

РЕНАТА ГАЛЬЦЕВА. В строю и вне строя

К 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН

Гальцева Рената Александровна — философ, культуролог, публицист; старший научный сотрудник ИНИОН РАН; автор книг «Утопия в русской философской мысли конца XIX — начала XX века» (1990), «Знаки эпохи. Философская полемика» (2008), «К портретам русских мыслителей» (2012) (в соавторстве с И. Б. Роднянской) и многочисленных статей на культурологические темы. Постоянный автор «Нового мира». Живет в Москве.

Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!
А. С. Пушкин

Благословенный ИНИОН! «Первый в мире, второй в Союзе» (как острили в советское время) гуманитарный институт, приют униженных и оскорбленных, гонимых и неприкаянных (подчас претенциозных) творцов из поколения дворников и сторожей, но и нашедших малозаметные ниши в истеблишменте юношей бледных со взором горящим, жадных до идейно-политических вестей из-за бугра, и просто — для отсидевших сроки. Задуманный как флагман зарубежной информации для высших инстанций и пропаганды передовой идеологии для рядовых научных и учебных кругов, он, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, представлял собой издательский симбиоз, выпускающий для узкого читательского круга, «Для служебного пользования», политико-философские заблуждения врагов и на широкие просторы — «краснознаменные сборники»: так именовалась у нас информация для второго, учебного эшелона читателей.

Между тем жизнь тут была ключом, палуба флагманского корабля (как место встречи работодателей, то есть штатных сотрудников реферативных отделов и работающих по трудовому договору референтов, а также их встречи между собой и с читателями) являла собой живое, бурлящее пространство, где шла стихийная, нерегламентированная жизнь; где на каждом шагу встречались группы разгоряченных диспутантов, захваченных каким-то крайне насущным и безотлагательным предметом: под большой парадной лестницей,

около книжного прилавка, у каталогов или в холле и прямо посреди коридоров — в общем, там, где люди заставляли друг друга. Быть может, после курилки Ленинской библиотеки это был второй (а то и первый?) дискуссионный клуб.

А как же протекала под этими сводами деловая жизнь? Начнем с показательного для ее уяснения начала. Дело было в Отделе научного коммунизма... Да простят мне читатели этого текста: я буду говорить о себе (не совсем о себе, а в конечном счете совсем не о себе) не только потому, что, как признавался герой «Записок из подполья», «порядочный человек» с наибольшим удовольствием говорит о себе, но и по совершенно банальной причине — потому что происходящее вблизи и при твоём участии помнится более ярко и выпукло, чем общезначимое, но отдаленное. Итак, дело было в Отделе научного коммунизма, который одним своим названием, казалось бы, служил охранной грамотой в глазах начальства. Совсем недавно получил он это гордое имя, будучи раньше безликим «Реферативным отделом», куда я пришла с заранее согласованным с тогдашней дирекцией проектом «Достоевский за рубежом» (в связи с юбилеем писателя): издавать рефераты (и переводы) знаменитых работ о нем — Р. Джексона, М. Бубера, А. Камю, Р. Веллека, Э. Васиолека, Вяч. Иванова и др., — не публиковавшихся на русском языке. Сборник был подготовлен и двинулся в путь, но... внезапно был остановлен на первой же станции: обсуждения в Отделе. А обсуждение проходило так. Вслед за первым взявшим слово и заявившим, что сборник скучен, что нет единой концепции, что «под нашим грифом такое не выходит», началась цепная реакция в том же духе, а именно — в духе «превращенной формы» объяснений, когда для камуфляжа подлинной (идеологической) мотивировки используется другая (мнимонаучная). Но «политика» все же прорывалась: «Заказчик будет недоволен». И хотя мнения присутствующих разделились, заотделом поблагодарил чутких и ответственных, проявивших бдительность коллег, выступивших под девизом «надо беречь Отдел», а нам с И. Б. Роднянской (она в это время тоже была научным референтом ИНИОНа^[1]) он предложил подумать над реформатированием содержания выпуска. После долгого согласования с руководством было решено предпослать сомнительной зарубежной когорте бесспорный продукт, который служил бы паровозом для малоподвижного состава, — иначе говоря, подготовить выпуск «Достоевский в социалистических странах» с предисловием («крепким врезом») какого-либо политически надежного знатока русского писателя. Задание было выполнено. Однако в конечном итоге паровоз двинулся один, без состава, чьи пассажиры так и остались невъездными — до тех пор, пока позднее они не вышли в широкой или специальной российской печати. Но, увы, уже не к нашей (институтской) вящей славе.

Это был печальный и настораживающий опыт. Легкой судьбы и дальше не выпадало ни одному не «краснознаменному» изданию. А ведь речь шла о

якобы неподцензурных изданиях «Для служебного пользования», рассылаемых проверенным лицам по спискам, то есть об особой сфере, куда не нужно заглядывать Главлиту (то есть цензуре).

Каждый такой сборник или обзор должен был пройти очистительную процедуру: огонь марксистской критики, воду недружественных отзывов, медные трубы отрицательных вердиктов. Требовалась выработка более замысловатой стратегии, готовность к использованию чрезвычайных мер, в числе коих наиболее приемлемой оказывалась добыча внешнего отзыва или даже ходатайства, а в случае необходимости — и организация научно-общественных обсуждений с подобранными гостями. Специфика была в том, что надо было найти таких защитников и заступников, которые были бы авторитетными функционерами и одновременно симпатизантами нашего (по самому их статусу не близкого им) дела, — казус *contradictio in adjecto*, противоречия в терминах. Сочинялись формулировки, обосновывающие в письменной и устной — на личных приемах в высоких кабинетах — форме непомерную важность и несравненную злободневность затеянного нами предприятия.

Догадка прибегнуть к подобной методике родилась после окончательного решения вопроса о судьбе Достоевского в ИНИОНе (поскольку, несмотря на фиаско, мы не унимались). Первым адресатом был выбран сам *директор ИМЛИ* Б. Л. Сучков, вторым — сам *редактор Полного собрания сочинений писателя в 30 томах, верховный главнокомандующий армии отечественных достоевистов, ленинградец* Г. М. Фридлиндер. В подмосковном санатории он принял инионовского ходока «с рукописью в руках», где говорилось, в частности:

«Глубокоуважаемый Георгий Михайлович!

... В течение нескольких лет мы занимались подготовкой серии реферативных сборников под условным названием «Достоевский за рубежом»; первый и пока единственный из этих выпусков — «Исследования творчества Ф. М. Достоевского в социалистических странах» — был издан в прошлом году, послан Вам и, надеюсь, благополучно дошел. Остальные работы сгруппированы по следующим темам... (они перечисляются). Эта серия, как и большинство изданий нашего института, предназначена для специального пользования (т. е. рассылается по особым спискам). Состав сборников был апробирован Б. Л. Сучковым, который их завизировал, поставив гриф ИМЛИ; но с кончиной Бориса Леонтьевича мы потеряли энтузиаста-покровителя и профессионально заинтересованное лицо; в результате это издание застопорилось.

Может быть, у Вас возникнет интерес к находящемуся в нашем распоряжении материалу (не менее 30 авторских листов), прошедшему все стадии подготовки к печати, но пока лежащему втуне. Здесь были бы возможны два варианта: издание

вспомогательного типа в рамках Вашего начинания и на базе Вашего института (совместно с нашим) — или, при Вашей поддержке и ходатайстве, что могло бы вдохновить наше руководство, далекое от этих тем, — издание под грифами двух институтов — ИМЛИ и ИНИОН, причем на типографской базе последнего.

Прилагаем оглавления намечающихся выпусков. Если наши чаяния вызовут у Вас отклик, то в любое удобное для Вас время мы рады были бы встретиться с Вами, имея при себе тексты рефератов и переводов. 20.01.77 г.»

Далее шли наши адрес и телефоны. И — тщетные ожидания.

Однако другого пути не было. «И, словно гусей белоснежных станицы, / Летели исписанные страницы» обращений, воззваний, призывов (часто вручаемых лично). И этот хлопотный метод в конечном итоге себя оправдывал, являя победу над детерминизмом системы.

Вот, к примеру, фрагмент из нашей переписки с внешними и внутренними инстанциями по поводу лишь нескольких тематических сборников.

«В Советский оргкомитет по подготовке XVII Всемирного философского конгресса, директору Института философии В. В. Мшвениерадзе», к которому я обращалась с основательно фундированным призывом вступить перед нашим институтским начальством за гонимый сборник из серии «Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.». Представьте себе, у сановного философа нашлось, что весьма нетривиально, достаточно воодушевления (вечная ему благодарность!), чтобы обратиться к директору ИНИОНа В. А. Виноградову с убедительным ходатайством, оканчивающимся внушительным резюме: «Сборник переводов «Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.» (вып. 1), служащий неотложным задачам компетентной критики, положительно оценен научной общественностью. Теперь мы ожидаем выхода в свет второго сборника, который представляет сегодняшнюю социально-эстетическую панораму и посвящен влиятельным в интеллектуальных кругах Запада концепциям искусства, выросшим на католической почве: от «ортодоксального неотомизма» (Ж. Маритен, Г. К. Честертон) до авангардизма (Ортега-и-Гассет) и левого критицизма (Г. Бёлль). Насущность этой работы подчеркивается и близящимся VIII Всемирным эстетическим конгрессом (август 1980 г.), в порядке подготовки к которому выполнение этих переводов было бы чрезвычайно желательно». (Подпись: В. В. Мшвениерадзе.)

Это обращение было большим подспорьем в деле продвижения выпуска. И — по протоптанной дорожке заодно о другом застрявшем сборнике: *«В Советский оргкомитет по подготовке XVII Всемирного философского конгресса, директору Института философии В. В. Мшвениерадзе» — ходатайство о забракованном в Институте сборнике*

«Образ человека XX века», содержащем эссе К. С. Льюиса и Г. П. Федотова, исследования о «новом типе мыслителя», о «воспитании посредством идеологической речи» и т. п. Были признаны неподходящими и содержание его, и заглавие. (Под наименованием, которое было названо «туманным», ныне беспрепятственно выходят общеинститутские сборники.) Более того, тогдашний заведомо философских наук Института в своем отзыве, адресованном на имя нашего куратора, заместителя директора по гуманитарной части Марлена Павловича Гапочки, среди прочих претензий предлагал: «Снять или отредактировать более тщательно материал Федотова Г. П. «Ессе homo», где содержатся антисоветские высказывания (см., например, стр. 57, 60, 63)».

В ответном письме на мое воззвание В. В. Мшвениерадзе писал Гапочке: «В соответствии с Планом мероприятий по подготовке XVIII ВФК в Вашем Институте подготовлен сборник «ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА XX ВЕКА», отв. ред. Гальцева Р. А. Оргкомитет знаком с содержанием сборника и считает его необходимым для работы членов советской делегации, участвующей в Конгрессе. В связи с этим Оргкомитет просит Вас ускорить выпуск вышеназванного сборника и выделить часть его тиража (150 экз.) для нужд подготовки к Конгрессу. <...> Мы будем весьма благодарны — если данному труду будут предоставлены условия наибольшего благоприятствования, иначе говоря, быстрейшего выхода в свет. И второе, чтобы часть тиража сборника (хотя бы около 100 экз.) была резервирована за Оргкомитетом». Колымага выехала-таки из непролазной колеи. Но за ней следовали еще целые обозы... И потому депеши продолжали лететь.

Председателю Отделения литературы и русского языка АН СССР академику Е. П. Челышеву (1979 — 1980 г.), заведующему Отделом философии ИНИОНа И. Ракитову (1976 г.) с просьбой о поддержке начинаний, злобная суть которых заключалась в замене реферативного жанра переводческим. (Этот пункт был одним из ключевых в разногласиях с М. П. Гапочкой.)

Заместителю Председателя РИСО АН СССР А. Л. Яншину. После подробного обоснования всей насущности и актуальности нашей серии («Судьба искусства...», вып. 2) в свете опять же близящегося Международного эстетического конгресса (август 1980 г.) в заключение говорилось: «Эта недавно завершенная работа нуждается в Вашем одобрении и поддержке, как и вообще вся наша переводческая инициатива, поскольку вопрос о целесообразности такого информационного жанра, как перевод (а не только реферат), все еще остается для нашего Ученого совета дискуссионным». Была ли поддержана эта просьба, я уже не помню.

Директору Института философии АН СССР Б. С. Украинцеву, который в ответ на наше обращение апеллировал к Председателю Отделения философии и права АН СССР академику-секретарю А. Г. Егорову по поводу все тех же выпусков «Судьба

искусства...» с просьбой (поддержанной также нашим директором В. А. Виноградовым) включить в план и «утвердить издание сборников рефератов и аналитических обзоров работ, отражающих основные линии развития и кризисных явлений западной эстетики. <...> Соответствующий Проект постановления прилагается».

В *Ученый совет Института философии АН СССР* В. М. Межуеву (1975 г.) за поддержкой одного из первых наших застрявших изданий: «Современные концепции культурного кризиса на Западе» (работы Д. Белла, Х. Г. Кокса, Ж. М. Доменака, Л. Уайта, П. Тиллиха, Р. Гвардини, М. Хайдеггера). «Подготовленный Отделом научного коммунизма сборник, — убеждает администрацию ИНИОН в ответном письме член Ученого совета Межуев, — представляет несомненный теоретически-информативный интерес для всех специалистов, работающих в области теории культуры и критики идеологии. Сборник восполняет существующий в настоящее время пробел в советской философской литературе. <...> Безусловно, существует настоятельная необходимость издания такого сборника, а также продолжения информационной работы в данном направлении».

ВНИИ системных исследований АН СССР и ГКНТ Ш. А. Гумерову в защиту того же тонущего сборника переводов («Судьба искусства...», вып. 2). «Особенно удобным для философа-теоретика, работающего в области культуры и духовного производства, — говорилось в ответном послании, — представляется принятый в последнем из сборников серии жанр комментированного перевода с проблемной вступительной статьей. Было бы весьма желательным, чтобы Ваша деятельность в этом направлении продолжалась, восполняя немалые лакуны». И т. д.

Члену редколлегии «Нового мира», заведующему отделом критики В. М. Литвинову (1979 г.). Откликаясь на наш призыв о поддержке все того же 2-го сборника «Судьба искусства...» (который был послан в редакцию журнала «на отзыв»), адресат направляет на имя Директора ИНИОНа В. А. Виноградова (копия: Отделу научного коммунизма) красноречивое ходатайство с заверениями о ценности этой работы, «отличающейся высокими достоинствами как со стороны научной, так и со стороны стилистической подготовки текстов <...> трудов, пользующихся мировой известностью и совершенно необходимых для расширения идейного и интеллектуального горизонта литературного критика и исследователя литературы».

Директору Института философии Грузии академику Грузинской АН Н. З. Бакурадзе (письмо второе, вслед уже оказанной однажды помощи; 1985 г.). Речь теперь идет о другом забуксовавшем сборнике: «Глубокоуважаемый Николай Зурабович! <...> Спасибо за покровительство! Но я, подобно старухе из «Сказки о золотой рыбке», обращаюсь к Вам с просьбой (которую прошу оставить в силе только при отсутствии

каких-либо внешних или внутренних напряжений). Регулярно каждый подготовленный мной сборник, на этапе проплывания «меж крутых берегов», переживает навигационные препятствия, когда ему требуются мощные буксиры. Вот и сейчас, в случае с материалами по русской мысли (этот элемент у нас, как известно, в самом большом загоне), наступил такой этап, из которого могли бы вывести сборник письма-запросы из ведущих философских учреждений страны. Так вот, не смогли ли бы Вы написать такое письмо и послать его на имя заместителя директора ИНИОН АН СССР М.

П. Гапочки (копия: Отдел научного коммунизма Я. М. Бергеру), в котором выражалась бы целесообразность дальнейшего выпуска сборников по культурологии».

И директор Института философии Грузии отвечал по нужному адресу: «На протяжении последних лет наш Институт является постоянным потребителем научно-информационной продукции, издаваемой ИНИОН: серий «Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.», «Неоконсерватизм в странах Запада», «Работы М. Хайдеггера по культурологии» и мн. др. <...> Недавно нам стало известно, что в рамках Вашего Института в числе прочих интересующих нас материалов по проблемам философии культуры разрабатываются темы, связанные с критическим анализом общественно-религиозной утопии первых десятилетий XX в. (П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева и других русских мыслителей). В связи с нуждами нашей плановой научной работы обращаемся к Вам с просьбой подготовить и для нас обзоры по указанной тематике».

Ученому секретарю Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания В. Ряполовой, откликнувшейся на обращение развернутым ходатайством в Отдел научного коммунизма: «Как и ряд сотрудников нашего Института, я недавно ознакомилась со сборниками «Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.», подготовленными в вашем Отделе. Представляется, что это очень нужная и серьезная работа, имеющая большую ценность для ученых-гуманитариев. <...> И выбор текстов, и переводы их, и сопроводительные статьи и комментарии свидетельствуют о высоком академическом уровне издания. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем читатель получит возможность познакомиться с новыми сборниками этого типа». И т. п.

Заведующему Сектором эстетики Института философии АН СССР проф. М. Ф. Овсянникову по поводу опять же многострадальной серии «Судьба искусства...». В своем «Отзыве-рецензии» он, обращаясь к дирекции нашего Института, в частности, писал: «Вот уже несколько десятков лет наша философская общественность оперирует в связи с эстетическими проблемами именами О. Шпенглера, М. Вебера, М. Хайдеггера, Х. Ортеги-и-Гассета, К.-Г. Юнга и др. До сих пор знакомство с их эстетическим наследием, не изложенным на русском языке, остается делом крайне затруднительным,

что в свою очередь осложняет задачи компетентной критики. А тем не менее эти имена остаются вехами на пути современной западной мысли. <...> Несомненно необходимость издания задуманной серии, а также продолжение информационной работы в данном направлении». Позднее, 15 июля 1980 г. М. Ф. Овсянников обращался по поводу особо заторможенного 2-го выпуска серии «Судьба искусства...» к В. А. Виноградову от имени *Научного Совета по проблемам эстетики при Президиуме АН СССР* со словами о неотложной необходимости его (и подобных ему дальнейших изданий) в связи с грядущим IX Международным эстетическим конгрессом.

«*Вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву...*» И так далее...

Надо не забыть и о непростой в прошлом судьбе журнального издания «Эон. Альманах старой и новой культуры», один из выпусков которого «Ирвинг Кристал. На перекрестке тысячелетий» еще ждет своего выхода. И — о свирепствах на стадии библиографического контроля...

В общем, поднимался целый вихрь перекрестных потоков теперь уже между высокими внешними и внутренними инстанциями, когда в дело включались «мобилизованные» академики. Директор Института философии Б. С. Украинцев был доведен до того, что в одном из писем академику-секретарю АН СССР А. Г. Егорову прямо указывал: «Обязать Отдел научных публикаций ИНИОН опубликовать сборники Отдела научного коммунизма (1, 2, 3-й выпуски «Судьба искусства...», 40 а. л.) в сроки, минимально предусмотренные техническими возможностями Издательского отдела, и установить тираж в размере 2000 экз.».

Но высшего накала достигали конфликты, которые развертывались на ближних рубежах, без апелляции вовне, и, как правило, не оставляли после себя письменных документов (а только эпизодические зарубки в памяти). Бывало, собеседования в кабинете начальства занимали целый день. В первой половине такого собеседования шел разбор концепции, в которой не нашел себе места марксистский подход, но чаще дискуссия шла вокруг отдельных словосочетаний (типа: почему «революционное возбуждение», а не «революционный подъем?») и отдельных слов («Почему Вы, *Регина*, — как часто именовал меня Марлен Павлович, — вместо нормального слова «буржуазный» употребляете какое-то неестественное — «позднебуржуазный»?»). Да, борьба всегда шла за слова (как и в «Философской энциклопедии»). Мой цензор уезжал в идеологический Отдел на Старую площадь. А я, получив указания, оставалась под дверью, стараясь придумать свой, менее травматический вариант переделки.

Со Старой площадью была связана уникальная судьба еще одного нашего издания, явившего казус полного «отчуждения» труда (не предполагаемого даже Марксом). Речь

идет о сборнике «Новые философы», сенсационной семерки правых, которая неожиданно-негаданно, на фоне все новых и «новых левых», возникла во Франции в конце 70-х (подобно «великолепной семерке» «Вех» — в России начала века). Своим рождением она прежде всего обязана переведенному на Западе «Архипелагу ГУЛАГ». Собрание рефератов этих «детей Солженицына» — А. Глюксмана, Б.-А. Леви, М. Клавеля и др. — было издано у нас в Институте в начале 80-х в количестве 6 экземпляров и обсуждено в Идеологическом отделе ЦК, пожелавшем познакомиться с новыми идейными врагами и дать этим клеветникам достойный отпор. Но не увидено ни одним глазом редактора-составителя.

Помнится, выход для безнадежно увязшего обзора «Раскол в консерваторах (Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале)» был найден на путях еще одной методы — подловить момент, когда наш куратор отправится в отпуск, и принести работу на подпись замещавшему его должностному лицу: замдиректора Л. К. Шкаренкову, автору книги «Черные флаги белой эмиграции», тем не менее благосклонному к нашей продукции, или другому замдиректора — Л. С. Кюзаджану, готовому помочь, но разгадавшему маневр и заметившему мне с укором, что такая система ставит его в щекотливое положение перед коллегой и даже может поссорить. Тем не менее «Раскол...» таким образом вырвался из плена. И все-таки я вспоминаю Марлена Павловича с теплым чувством: он был джентльменом, образцом хороших манер и незлопамятным человеком. Когда, при распределении научных рангов, встал вопрос о моем разряде, он повел себя по отношению ко мне, досаждавшей ему беспрестанно не одно десятилетие, самым великодушным образом.

Был момент, когда вся плановая продукция застопорилась, включая очередной выпуск серии «Судьба искусства...», и надо было задумываться над своей собственной судьбой. М. С. Горбачев уже произнес свою судьбоносную фразу «Общечеловеческие ценности выше классовых», означающую отмену крепостного права марксистской идеологии и открытие эры свободы мысли. Но прежняя инерция еще никуда не делась. И руководитель нашего отдела Я. М. Бергер, держа в руках очередной полученный им на подпись сборник «Формирование идеологии и социальная практика», в который входила работа «Summa ideologiae», резюмировал свое впечатление от знакомства с ней в таком стиле: Вы, Рената Александровна, придумали это для самиздата или для тамиздата, но не для здесь-издата.

Требовалась в лучшем случае радикальная переработка. Параллельно идущим в то время на международной арене Женевским переговорам у нас шли свои пять туров

переговоров с Я. М. Бергером; первый и последний — втроем, с участием соавтора Ирины Роднянской. Начало было безнадежным, я почти впала в отчаяние. Более важной вещи, думалось мне, мы еще не писали. К тому же я чувствовала ответственность за вовлеченного в это предприятие соавтора (для которого эта работа была нештатной, неплановой). Аргументация зрела днем и ночью. Собеседования шли по часу — полтора. Но какие это были собеседования!? «В этой борьбе, — заметила Роднянская, — мы потеряли не только женственность, но и человечность». Когда наши контраргументы не имели воздействия и надо было смиряться, неотменимым принципом оставалось одно: вычеркивать, но не вписывать. «Summa...» вышла из битвы сильно потрепанной^[2]. Тут сама пришла на ум (как-то несообразно обстоятельствам) ламентация Пушкина из письма П. А. Вяземскому в марте 1823 г.: «Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; все это в порядке вещей»^[3]. «Порядок вещей» в нашем случае не предполагал апелляции к «частному приставу».

Я пришла в Институт, когда все, о ком остались яркие впечатления, были уже в сборе. Или — на подходе. Это было особое, с непреходящими либеральными традициями, место. Это были интересные времена. На службу принял меня тогдашний директор, крупный синолог и закоренелый либерал Л. П. Делюсин, для работы по теме: «Достоевский в зарубежных исследованиях» (о чем уже упоминалось). Собственно, не было еще никакого Института информации, а была тогда Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, и помещалась она (еще до Якиманки, о которой пелось в капустниках: «Надену джинсы я наизнанку, пойду работать на Якиманку») в роскошном особняке в аристократическом уголке Москвы, близ родного Арбата, на перекрестке Малого Знаменского переулка (тогда ул. Маркса — Энгельса) и ул. Знаменки (тогда ул. Фрунзе).

Впервые поднимаясь по мраморным ступеням парадной лестницы, я среди собравшихся наверху сотрудников различила знакомую фигуру Дмитрия Николаевича Ляликова, коллегу по «Философской энциклопедии»,^[4] и популярного в интеллектуальных кругах мудреца, и знатока Востока Григория Соломоновича Померанца, принятого в штат еще предшественником Делюсина В. И. Шунковым. Он был тоже давним знакомцем: по философским собраниям и той же «Философской энциклопедии», в свое время спасшим нас от собирателей подписей под письмом в защиту Синявского и Даниэля, которым решительно объявил: «Не заваливайте эту малину».

В тот день Григорий Соломонович, стоя в центре круга, знакомил собравшихся с бездонной глубиной восточного любомудрия. «Как звучит хлопок одной ладонью?», — обратился он со знаменитым коаном к остолбеневшей публике... «Как пощечина», — не

задумываясь, отвечал Д. Н. Ляликов. Он писал увлекательные рефераты по психоанализу и проблемам иррационального. По поводу одного из захвативших его авторов, американца М. Лифтона, автора книги «Пережившие Хиросиму», Д. Н. простодушно заметил: «Ему совсем немного не хватало до гениальности, я добавил».

В библиотечном «белом зале» на втором этаже я сразу же заметила женское лицо редкой привлекательности и обаяния, с сияющими глазами. Это была Майя Улановская, политкаторжанка советских времен, в 1951 г. в восемнадцатилетнем возрасте осужденная на 25 лет по нашумевшему делу «молодежной террористической организации» (а на самом деле — группы, ставившей своей задачей «восстановление ленинских норм») и освобожденная в 1956-м (после разоблачения культа личности). К сожалению, через 20 лет, в 1976 г. она уехала из России в Израиль вместе с мужем, известным правозащитником Анатолием Якобсоном, стоявшим у истоков «Хроники текущих событий», литератором, поэтом-переводчиком, преподавателем литературы в прославленной 2-й московской математической школе, и — сыном, бывшим подлинной причиной отъезда семьи из СССР: тот остро переживал нарастание политики антисемитизма в стране. Тогдашний подросток, Александр Якобсон ныне — профессор римского права в Иерусалимском университете, отдающий силы и общественной деятельности. Майя, долговременная сотрудница этого университета, — автор книг «Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кёстлера» (Иерусалим, 1996) и (в соавторстве с матерью, Надеждой Улановской) «История одной семьи» (СПб., 2005), а также многочисленных переводов с английского (в частности, знаменитых произведений Кёстлера: «Воры в ночи», «Приезд и отъезд» и нашумевшего исследования «Тринадцатое колено: хазарское царство и его наследие») и — с иврита и идиша.

Вот ее воспоминания из книги «История одной семьи» о временах, проведенных в ФБОНе — ИНИОНе: «Тем временем (речь идет о 1964 г. — *Р. Г.*) клюют Солженицына. В библиотеке, где я работала, в ФБОН, назначена встреча с писателем. У нас приличное учреждение с либеральными традициями, но в последний момент встречу отменяют. Отменяют встречу и в других учреждениях, но в Институте Азии и Африки — состоялась. А у нас — позже — состоялся вечер памяти Ахматовой (1966 г. — *Р. Г.*). Директор просит не читать неопубликованных стихов. Подождав, чтобы он вышел, я во всеуслышание читаю «Реквием», и дрожь пробегает по спине у меня и у собравшихся, когда слышатся строчки:

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громыхание черных марусь,
Забуть, как постылая хлюпала дверь
И выла старуха, как раненый зверь»^[5].

Правозащитница Люда Алексеева (Людмила Михайловна, ныне Председатель Московской хельсинкской группы), тоже бывшая наша — «пристроена» к нам, в Отдел научного коммунизма в 1971 г., на должность машинистки «по рекомендации» Органов, чтобы быть у них на глазах. Вскоре она, выпускница исторического факультета МГУ, стала в Отделе литературным редактором. Вспоминается, как, работая над очередным сборником, Люда горячо убеждала его ответственного редактора: «Надо понизить Богородицу, чтобы нам не понизили Бога!» (речь, понятно, шла о запретных прописных буквах). Рукописями в ту пору обменивались вручную, подчас у нее на дому, на ул. 26-ти Бакинских Комиссаров. Квартира поражала, начиная с прихожей: и она, и длинный коридор представляли собой экспозицию кошачьих портретов — тех кошек, которых хозяйка собственноручно вырастила, а затем раздала в хорошие руки. Люда водила экскурсии по кошкотеке, объясняя темперамент и индивидуальные склонности каждой представленной здесь особы. Нынешнюю обительницу квартиры Люда рекомендовала нам как существо нечеловеческого ума. «Вообразите, — рассказывала она, — собрались мы с мужем в лыжный поход и перед уходом, как всегда, проверяли наличие кошки (мало ли что, живем высоко). Искали полтора часа, умаялись, но тщетно. И только когда стало ясно, что с походом опоздали, и когда, освободившись от амуниции, спрятали лыжи, зверь вышел из бездны (откуда же еще, если все наличные укryвища были обшарены?)» Дело было в том, что зверь не любил отлучек хозяйки из дома, особенно ради эгоистических удовольствий.

Не оправдавшая ожиданий Органов, Людмила Михайловна не только не сократила масштаб своей правозащитной помощи политзаключенным, но, напротив, расширяла ее, привлекая к делу и сочувствующих из нашей среды. В 1977 г. ее высылали из страны, она уезжала в Штаты. Накануне отъезда ее дом был окружен бездвижными нарядами милиции и спецслужб, внутри было тоже многолюдно, но по контрасту чрезвычайно оживленно и кипуче. Я попросила передать Александру Исаевичу Солженицыну — увесистый, увы, — 5-й том «Философской энциклопедии», и Люда любезно согласилась. Мне хотелось в ответ на его в целом справедливое замечание о том, что в советской энциклопедии (в данном случае упоминалась БСЭ) «ни одной строки нельзя а priori считать истиной»^[6], порадовать великого «отшельника» приятной вестью о «продукции» философской редакции «Советской энциклопедии» как некой «беззаконной комете», в конце концов, только уравнивающей законный баланс между правилом и исключением. Позже, не помню когда и с кем, уезжающим в Штаты, я передала для Александра Исаевича некий выпущенный в ИНИОне сборник (могу только гадать, какой).

В сопроводительном письме к нему говорилось: «Александр Исаевич! Конечно, это не та литература, которая Вас интересует, но примите сборник как еще одну весть отсюда о единодушии с Вами. Прежняя дошла ли? В 1977 году я послала Вам с Людмилой Алексеевой V том «Философской энциклопедии», «это был наш маленький крестовый поход» (речь идет о двух разделах, Вы сразу поймете — каких). Вы видите, что не каждое слово в здешних энциклопедиях — ложь. Но Вы безусловно правы: советским энциклопедиям верить нельзя, ибо подобный прорыв детерминизма — всегда только опыт маленького чуда. Каждое Ваше слово бесконечно радует нас как совершенное выражение того, что зреет на тесных московских кухнях. <...> О союзниках Запада — большой вопрос. По положению — они нам, «инакомыслящим», союзники, да, но по сегодняшнему их сознанию... <...> Последнее десятилетие обнаружило новые симптомы. С любовью и благоговением Р. Г.». Как сложилась судьба этих оказий, мне до сих пор узнать не пришлось.

Здесь уместно будет откликнуться на поразивший меня (и не только меня) пассаж из недавней публикации Ю. М. Кублановского^[7]. Обратившись к событиям двадцатилетней давности, Кублановский обличает «идеологическую раскаленность» «неисправимой московской интеллигенции» начала 90-х, чьей демонстративной представительницей он избрал, в частности, меня: «Солженицын еще не успел и до Москвы добраться, а Рената Гальцева, разочарованно отрубая: «Уже ясно, с кем он?»».

Задолго до 90-х, с того момента, как я вообще узнала о Солженицыне, не было, пожалуй, ни одного принципиального высказывания, где бы я не противоборствовала релятивизму «идеологически раскаленных» «наших плюралистов», где бы я не апеллировала к классическому, консервативному либерализму А. И. Солженицына, всегда оставаясь на его стороне. В 1990 г. на конференции в Неаполе «Ленин: Траектория революции» я вступила в прения с горячими критиками «бездвижной» стратегии Александра Исаевича, не вовремя «застрявшего» за границей. Одним из таких критиков был как раз упоминаемый Кублановским вместе со мной и Роднянской (тоже попавшей под горячую руку воспоминателя) Ю. Ф. Карякин (но я была не «с ним», а он — не «с нами»). В том же 1990-м Е. Г. Боннэр в реплике «Не занимайтесь мифотворчеством»^[8] обрушилась — иначе не скажешь — на нашу с И. Роднянской статью «Спор — вопреки участникам?» («Литературная газета», 1990, 7 марта), где мы высказывали категорическое несогласие с распространенной в интеллигентской среде критикой Солженицына (опять же: почему-де молчит «вермонтский отшельник», когда «взбаламученная Россия» ждет от него вмешательства в «нынешнюю неразбериху»). Не соглашаясь с «уроками А. Д. Сахарова» («Знамя», 1990, № 2), оспаривавшего ключевую

роль идеологии в общественной системе, мы предлагали усвоить «уроки Солженицына», содержащиеся в его глубокой, философской публицистике.

Борьба Солженицына на два фронта — против тоталитарного коммунистического режима и против неожиданно образовавшейся вокруг писателя враждебной среды, несмотря на ее свободолюбивые установки, — была всегдашней темой моих высказываний. И я постоянно размышляла над самим феноменом возрождающегося печально знаменитого «ордена интеллигенции» (который идет у Кублановского под наименованием «московской интеллигенции») с его характерной беспочвенностью и «прогрессивностью», принявшими новые черты.

Все мои доклады и статьи, посвященные социальной и мировоззренческой позиции Солженицына в противовес его идеологическим антиподам, публиковавшиеся в журналах («Новый мир», «Посев», «Континент» и др.) и сборниках за более чем два десятилетия, перечислять вряд ли стоит, но вот некоторые названия: «А. И. Солженицын: борьба на два фронта», «Один из эпизодов наступления на Солженицына как интерпретатора русской истории», «Российское обустройство: Возвращаясь к Солженицыну», «Солженицын: Пророческое величие», «О либеральной интеллигенции в современной России», «Возрождение России и новый «орден» интеллигенции»^[91]. И Александр Исаевич отвечал доверием. Сразу после приезда в Москву он пригласил нас с Ириной Роднянской к себе, на Тверскую, 12, чтобы обсудить российские дела и поговорить о нашем общем будущем, причем никаких разногласий и вопросов о том, «с кем он», не возникало. Более того, Александр Исаевич предложил совместно издавать журнал, — возможно, как раз тот «культурный русский журнал с тиражом в 25 тысяч экземпляров», о котором как о несбыточном предприятии мечтает в своем дневнике Кублановский. И только Наталья Дмитриевна, войдя в кабинет, прекратила дальнейшее обсуждение этой захватывающей идеи, представляя трезвее нас всех степень занятости Солженицына.

Я была неизменным сторонником Александра Исаевича, его дружинником и всегдашним критиком противной стороны. И никто не может предъявить мне ни одного противоположного факта. (То расхождение мнений, которое существовало у меня с Солженицыным, как и с абсолютным большинством соотечественников, — отношение к личности Б. Н. Ельцина — не было предметом публичных разногласий, не отмежевывало меня от позиции Александра Исаевича, ставя «по другую сторону баррикад».) Не могу представить, к чему может быть привязана приписанная мне Кублановским реплика — «разочарованно отрубая», — вскрывающая, выходит, какое-то мое двурушничество.

Среди претерпевающих и претерпевших, приходивших за договорной реферативной работой в ИНИОН, помню бедствующую мать семейства Наталью Горбаневскую, знакомую с восточноевропейскими языками. В тот день в редакционном портфеле ничего не было, кроме книжки о торжестве демократии в Народной Республике Болгарии (НРБ), что-то вроде того. Я не без смущения вынула эту пропагандистскую брошюру, осознавая всю издевательскую нелепость предлагать таковую отбывшей срок в психушке за выступление на Красной площади против ввода войск в Чехословакию. Но гостыя не стала долго раздумывать. И чтобы понять ее, тоже долго думать не надо.

Пришла в Отдел на должность литредактора, тоже из «Философской энциклопедии» (как и мы с Ляликовым), выпускница филологического факультета МГУ, дочь философа и богослова Ивана Михайловича Андриевского Маша (Мария Ивановна) Андриевская, как бы явившаяся из тургеневских усадеб, безукоризненная романтическая душа, мастер тонкой акварельной флористики и поэтесса, автор двух романов и литературоведческих статей, рано покинувшая этот мир. Стихи ее, частично опубликованные в альманахе «Поэзия» (1986, выпуск 44) с предисловием С. С. Аверинцева, а затем и вышедшие отдельным сборником^[10], не забываются. Вы поймете правду этих слов хотя бы из такого примера:

Я неспрошенный камень старинных былин,
Искрошившихся слов не прочесть,
По которым в краю богатырских равнин
Узнавали: позор или честь.

Я неспрошенный камень
И с криком внутри
Затаился в траве у дорог,
И некошенный пламень
Цветочной зари
Догорает у каменных ног.

Маша была близкой приятельницей Сергея Аверинцева. Можно гордиться, что в тех самых буксовавших наших сборниках опубликованы рефераты и комментированные переводы, принадлежащие его перу.

Побывала сотрудницей Отдела и Наталья Крымова, крупный театральный критик и театровед. Вместе с коллективом она успела приобщиться к субботникам: поездкам на овощную базу для перегрузки кочанов капусты, а также и в отдаленный колхоз-побратим для сбора урожая. Помню, нас высадили из автобуса на свекольное поле. Моросил дождь, нужно было выдергивать из густой жижи за торчащие хвостики ботвы свекольные

заморыши. Набрав для колхоза по полмешка таковых, мы победоносно возвращались в столицу. При этом экспедиция послужила значительному расширению нашего театрального кругозора. Благодаря Наталье Крымовой мы досрочно посмотрели в Доме кино незабываемый «Рим» Феллини.

Промелькнул А. М. Пятигорский, всячески яркий, с чарующе замысловатой языковой стилистикой, наскучивший категориями европейской культуры индолог, вскоре обосновавшийся, однако, в Лондоне и ставший всеевропейским гуру.

И по сей день Институт не истратил порох в своих пороховницах, но о присутствующих не говорят. Сделаю исключение для коллеги по Отделу, для человека-оркестра, Светланы Левит, которая одна представляет собой целый институт, выпустивший 275 изданий. И какого кругозора! Это — философия, культурология, социология, языкознание, история, искусство — весь гуманитарный корпус... И нужно ли что-то добавлять, если в нашем ИНИОне директором — Юрий Сергеевич Пивоваров.

Веселое было время. В ходу было стихосложение, образцы коего хранятся у меня в папках. Но вот один, в котором подтрунивание его автора над близкой мне дисциплиной, ее терминологией, сочетается с амбивалентным влечением к ней (ср. ниже название его стихотворного сборника): «Я налил в стаканы этость, / На закуску взял я чтойность, / Закурил я сигаретость, / Погрузился я в запойность»^[11]. Б. Орлов. Апрель 1986 года.

Вовлеченные в стихию информационной работы по отражению (в обоих смыслах) социополитических новинок из-за бугра и ощущая себя перед лицом контролеров из Академии общественных наук «над пропастью в РЖ»^[12], мы нуждались в развлечениях (отвлечениях) и выделывали разные антраша. Вот одна из выдумок. Как-то, в начале 70-х, втроем (Ира Роднянская, Валя Ермолаева и я) задумали составить библиографическую карточку на якобы только что вышедший труд «Unisex society», автора коего нарекли именем Вольфрам Рюкзак, чтобы затем составить реферат для журнала. И даже нафантазировали содержание труда. Очень веселились. Однако все так и застыло на стадии сомнительно «благих порывов», согласно некрасовскому определению. А ведь осуществи мы эту задумку, так бы и пошло, никто не стал бы проверять.

Поразительно, но вскоре на Западе термин «unisex» родился и прижился.

Анекдотов случалось множество. Вот как я впервые попала за кордон: шел 1988 год. Меня пригласили в г. Бергамо, Италия, на конференцию, посвященную П. А. Флоренскому. Предстояло пройти еще действующий санпропускник партбюро. Но обязанности оно выполняло теперь механически, без души. «Вы были раньше за границей, где-нибудь... в странах народной демократии?» — «Нет, не была нигде, но... я готова проехать через Бухарест или Будапешт». Удовлетворенные моей покладистостью, экзаменаторы дали мне отмашку.

Еще не вышел указ о запрете пользоваться электрочайниками на производстве, и у нас всюю отмечались личные и общественные юбилеи. Помню один день рождения, празднуемый на Якиманке с большим размахом и охвативший целый этаж. Кто-то в угаре праздничного веселья задал несообразный вопрос виновнице торжества: «Алла, скажи, а сколько тебе лет?» «Сколько, сколько!? Сколько всем, столько и мне!» С тех пор я тоже руководствуюсь этим заветом.

И все-таки, что бы ни казалось строгому взгляду, заметки мои — юбилейные.

^[1] И. Б. Роднянская пришла в Отдел в 1971 г., сразу вслед за мной, и занималась, помимо участия в упомянутых сборниках, реферированием закрытой литературы, написанием замечательных аналитических обзоров по работам П. Сорокина, Ш. Эйзенштадта, А. Кестлера, по проблемам молодежной контркультуры 60-х, дискуссии вокруг эволюционизма и креационизма и многим другим; а ушла из штата в 1976 г., когда заведующий отделом предложил ей заняться левой, социалистической литературой для реферативного журнала открытого пользования.

^[2] В том виде, как она была задумана, работа вышла недавно (Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. *Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий.* М., «Посев», 2012).

^[3] Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 10-ти томах. Т. 10. М., «Издательство АН СССР», 1949, стр. 57.

^[4] См. раздел: «Голоса родных и друзей» — В кн.: Ляликов Дмитрий. Работы по философии, психологии, культуре (Энциклопедические статьи). М., ИНИОН, 1991.

^[5] Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. СПб., «Инапресс», 2005, стр. 270.

^[6] Солженицын А. Слово на приеме в Гуверовском институте. Оксфорд, 24 мая 1976. — В кн.: Солженицын А. Публицистика. Статьи и речи. Париж, YMCA-PRESS, 1981, стр. 270.

^[7] Кублановский Юрий. «Десятый». — «Новый мир», 2013, № 3.

^[8] Боннэр Елена. Не занимайтесь мифотворчеством. — «Литературная газета», 1990, 2 мая.

^[9] См.: Гальцева Рената. Знаки эпохи. Философская полемика. М., «Летний сад», 2008.

^[10] Андриевская М. И. Стихотворения и поэмы. М., 1992.

^[11] Борис Сергеевич Орлов, главный научный сотрудник ИНИОН, в 1990-е — организатор и председатель Российской социал-демократической партии, автор поэтической книги (Орлов Борис. «Неповторимость бытия. Из тетрадей ёшестидесятника»). М., «Апарт», 2010).

^[12] РЖ — реферативный журнал, регулярно издаваемый нашим отделом.